

нельзя не согласиться: на далеком востоке, в Бактрии, влияние греческой культуры оказалось гораздо более мощным, чем в более западных иранских областях (с. 107, 112 сл.)¹².

Восьмая и девятая главы – «Кочевническая интерлюдия» (с. 119–130) и «Забывтые Кушаны» (с. 131–150). Эпоха завоевания Средней Азии тохарами и другими кочевниками, известными из китайских источников как юечжи, и оседания их там, действительно является как бы эпохой перехода и в то же время прологом к следующей эпохе – кушанской. То, что это событие не повлекло за собой больших перемен для оседлого населения (с. 129), мне кажется, с большой уверенностью все же сказать нельзя. Но бесспорно, что в кушанскую эпоху Средняя Азия достигла очень высокого уровня развития (с. 139 сл.). К сожалению, кушанская хронология до сих пор остается неопределенной, хотя недавно открытая бактрийская надпись, содержащая родословную Канишки (его отец – Вима Кадфис, дед – Вима Такту = Soter Megas, прадед – Куджула Кадфис) (с. 135), видимо, внесет в нее большую ясность.

О содержании следующих глав можно судить по их названиям: «Шелковый путь» (с. 151–157), «Буддийский восток» (с. 159–166), «Возвращение номадов» (с. 167–182), «Купеческий мир согдийцев» (с. 183–198), «Калифы и каганы» (с. 199–218), «Иранско-исламская ойкумена» (с. 219–232), «Настоящее рождается» (с. 233–239).

Книга содержит и ряд приложений: «Литературные источники» (с. 241–242), «Географические названия» (с. 243–245), «Местные правители в Бухаре и Самарканде» (с. 246), «Божества в Согдиане» (с. 247), «Языки Средней Азии» (с. 248–250), «Древняя монетная чеканка в Трансоксиане» (с. 251–252).

Каждая глава сопровождается очень полезными и удобными библиографическими примечаниями: они и содержательны, и компактны. В них обычно имеются указания лишь на последние фундаментальные труды на данную тему, в которых читателю легко найдет сведения о всей предшествующей литературе по интересующей его проблеме. Наличие ценного библиографического аппарата вообще характерно для трудов Р.Н. Фрая.

Думаю, что рецензируемая книга найдет широкую читательскую аудиторию: она будет интересна и читателю, просто интересующемуся прошлым Средней Азии, будет полезна и специалисту.

И.В. Пьянков

¹² Ср. Пьянков. Некоторые вопросы... С. 32–34.

© 1999 г.

The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. XXVIII. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure and Testimonia / By A.L. Boegehold, with Contributions by J. McK. Camp, etc. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1995. XXVIII. 256 p., 10 fig., 23 plates

Американская школа классических исследований в Афинах выпустила в свет очередной, XXVIII том продолжающегося издания «Афинская агора». Появление каждой новой книги из этой серии становится немаловажным событием в изучении античных Афин, вводя в научный обиход ранее неизвестный материал, проливающий свет на ту или иную сторону жизни крупнейшего греческого полиса.

Рассматриваемый том посвящен афинским судебным учреждениям. Судебная практика демократических Афин – тема, в общем достаточно подробно освещенная в историографии¹ (прежде всего следует отметить исследования Монгенса Хансена, внесшего, без преувеличения, огромный вклад в изучение проблем, связанных с судами²). Однако ранее рассмотрение

¹ Последние известные нам работы по данной теме: *Rhodes P.J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 303–319; Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // Ibid. S. 321–331.*

² Здесь нет ни необходимости, ни возможности перечислять многочисленные работы М. Хансена об афинской судебной системе. Полное представление о его концепции можно получить из статьи: *Hansen M.H. The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // The Greek City: from Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 215–243.*

практически всех ее аспектов основывалось почти исключительно на свидетельствах литературной традиции³; вещественные памятники если и привлекались антиковедами, то по большей части в иллюстративных или вспомогательных целях. Теперь же собрана воедино, издана и прокомментирована та часть этих памятников, которая происходит с агоры. И в количественном, и в качественном отношении именно эта часть наиболее значительна. Последнее вполне объяснимо: на агоре в классическую эпоху располагались главные центры афинского судопроизводства.

Основным автором рецензируемого тома является Алан Беджхолд. Кроме него в написании отдельных глав принимали участие и такие археологи, работающие в Афинах, как Дж. Кэмп, М. Кросби, М. Лэнг, Д. Джордан, Р. Таунсенд. Хронологически том охватывает в основном V–IV века до н.э. – период, не только характеризующийся наивысшей активностью судебных учреждений, но и в наибольшей степени освещенный источниками. Естественно, что для лучшего истолкования отдельных сюжетов авторам приходится делать экскурсы как в предшествующую, так и в более позднюю эпохи.

В рассматриваемом хронологическом отрезке (фактически совпадающем с классическим периодом греческой истории) А. Беджхолд не считает возможным выделять какие-то эпохи или стадии эволюции судебной системы. Эта эволюция имела не скачкообразный, а непрерывный характер; изменения накапливались постепенно. Важнейшие из изменений имели место около середины V в. до н.э.; в их числе – введение тайного голосования в судах, платы для судей, жребия при их выборе. Дальнейшие модификации сводились в основном к совершенствованию системы жеребьевки, усложнению судебного оборудования, изменению мест судебных заседаний (с. VIII; ср. с. 21)⁴.

Рецензируемая книга состоит из трех различных по характеру частей. Первая часть «История и анализ» (с. 1–50) является обобщающе-теоретической; на ее содержании целесообразно будет остановиться ниже, после характеристики сводки конкретного материала, который сконцентрирован во второй и третьей частях книги. Вторая часть «Оборудование, принадлежности и здания» (с. 51–113) содержит публикацию разнообразных археологических находок с агоры, имеющих отношение к судопроизводству.

Все публикуемые находки можно разделить на единичные и массовые. К первым относится фрагмент клеротерия – мраморной стелы с рядами углублений, использовавшихся с IV в. и позже при жеребьевке в качестве приспособления для распределения дикастов по судебным коллегиям (с. 58). Далее отметим клепсидру начала IV в. до н.э., полностью восстановленную на основании сохранившихся профильных фрагментов (с. 77, 78). Надпись $\Lambda\upsilon\tau\iota\omicron\chi\{\delta\omicron\varsigma\}$ на ней свидетельствует о том, что клепсидры (как, вероятно, и другое судебное оборудование) были собственностью фил, а надпись XX указывает на объем клепсидры (2 хуса, т.е. около 6,4 л).

Не менее интересен большой фрагмент крышки эхина (с. 79–81) – глиняного сосуда конца IV в., использовавшегося для хранения различных документов, необходимых по ходу судебного процесса (Arist. Ath. pol. 53, 2–3). Дипинто, сохранившееся на крышке, свидетельствует о том, что в данном эхине находились документы предварительного слушания дела магистратом ($\delta\upsilon\acute{\alpha}\kappa\rho\omicron\lambda\omicron\varsigma$), в ходе которого одной из сторон был заявлен формальный протест ($\beta\iota\alpha\sigma\tau\upsilon\rho\iota\alpha$). Своеобразный памятник – брошенная в IV в. до н.э. в колодец близ Царской Стои свинцовая табличка с проклятием. Надпись, сделанная в магических целях ретроградным письмом, упоминает синегоров (ораторов – «ассистентов» истца или ответчика), что говорит о принадлежности таблички кому-то из тяжущихся (с. 55–57).

В числе массовых находок – 24 бронзовые таблички ($\mu\upsilon\tau\acute{\alpha}\kappa\iota\alpha$), использовавшиеся при жеребьевке (с. 59–64), с полным именем владельца и буквы – обозначением судебной секции, к которой он был приписан. На некоторых пинакиях имеются также штампы (голова Афины, сова, горгонейон), назначение которых неясно. Впрочем, известно, что пинакии применялись не только в судах, но, например, и в Совете (Dem. XXXIX. 10–12). Большинство опубликованных пинакиев несут следы повторного, порой многократного использования, когда прежняя надпись выскабливалась и наносилась новая.

Девять бронзовых шариков (три из них с вырезанными буквами) и совпадающий с ними по размерам terra-cotta шарик (с. 65, 66), судя по местам их находки, также вполне могут быть связаны с судами. Почти несомненно, что их использовали при какой-то из многочисленных жеребьевок; возможно, что это – $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon\iota$ (букв. «желуди»), упоминаемые, в частности,

³ Эпиграфические данные, связанные с афинскими судами, крайне немногочисленны. Это вызвано тем, что афины не фиксировали в письменном виде постановления своих судебных органов.

⁴ Аналогичной точки зрения придерживаются ныне и другие специалисты: Rhodes. Op. cit. S. 304; Thür. Op. cit. S. 321.

Аристотелем (Ath. pol. 63.2) при описании дикастериев. Из 44 публикуемых бронзовых жетонов (σφύρα) с буквами и различными значками (голова Афины, львиная голова, сова и др.) большая часть также, очевидно, связана с судами (с. 67–76). Эти жетоны использовались в IV в. до н.э. при распределении мест в судебных помещениях между отдельными дикастами.

Звершают публикацию 54 псефа (ψῆφος) – «камешка» для голосования дикастов (с. 82–90), которые с IV в. до н.э. представляли собой небольшие бронзовые (позже свинцовые) диски с трубочкой посередине, просверленной (для осуждения) или цельной (для оправдания). На некоторых псефах имеются надпись ψῆφος δημοσία и буква алфавита (судя по всему, обозначавшая филу). Псефы могли использоваться не только в судах, но, например, и в Совете. Со временем размеры их несколько уменьшаются, очевидно, в целях экономии. Та же причина, вероятно, обусловила последующее изменение их материала (свинец вместо бронзы). Самые ранние псефы с агоры датируются серединой IV века, самые поздние – II веком до н.э.

Находки предметов, связанных с судебной процедурой, локализируются в основном в двух районах агоры: в юго-западной части, близ Толоса, Метроона и Булевтерия (в каком-то из этих зданий находился, несомненно, склад судебного оборудования) и в северо-восточном углу, где в IV–III вв. до н.э. функционировал комплекс зданий, идентифицируемых как дикастерии. Именно здесь обнаружено загадочное и пока не интерпретированное однозначно сооружение – два терракотовых желоба, вертикально врытых в земляной пол вогнутыми частями друг к другу. В получившемся в результате этого резервуаре находились пять псефов, бронзовый шарик и жетон; разрозненные памятники того же рода были в значительном количестве найдены поблизости. К тому же комплексу зданий относится и другой аналогичный резервуар, не содержащий релевантного наполнения. Но более вероятно, что из выдвигавшихся гипотез (с. 53) мы имеем дело со специально оборудованным хранилищем судебных принадлежностей.

После отдельных памятников публикуются результаты раскопок построек на агоре, определяемых для различных периодов как дикастерии. За каталогом-глоссарием афинских судов, известных как из литературной традиции, так и археологически (с. 91–98), следует описание крупного (26,5 × 31 м, площадь ок. 800 м²) сооружения на южной стороне агоры, так называемого прямоугольного перибола (с. 99–103). Построенное в VI в. до н.э. и просуществовавшее до V в. н.э., оно представляло собой изначально огороженное пространство без крыши; в течение V–II вв. до н.э. оно подвергалось ряду перестроек, придавших ему большую монументальность. Судебное назначение постройки – вне сомнения; ранее на планах агоры ее обычно обозначали как «Гелиэю» (в узком смысле), т.е. как место заседаний главного афинского суда.

К настоящему времени, впрочем, «Гелизей» все чаще называют другую постройку, так называемое «здание А» – первое в комплексе сооружений, начавшем возникать на северо-востоке агоры в конце V в. (с. 104–113). Размеры «здания А», также не имевшего крыши, весьма значительны (41 × 22 м, площадь ок. 900 м²); внутри него найдено немалое количество судебных принадлежностей, именно в нем находился вышеупомянутый резервуар-хранилище.

Постепенно «здание А» было окружено меньшими по размерам постройками («здание В» – конец V в., «здания С и D» – третья четверть IV в.), в результате чего сформировался комплекс дикастериев, описанный Аристотелем (Ath. pol. 63 sqq.). Очевидно, в период упразднения демократии в конце IV в. комплекс был разрушен; на его месте некоторое время существовало «здание Е» – П-образная стоя неясного назначения. На рубеже IV–III веков на том же месте начали строить огромный квадратный перистиль (58,5 × 58,5 м, площадь ок. 3500 м²), в котором должны были разместиться, судя по монументальности замысла, все афинские суды присяжных. Здание осталось недостроенным, но уже использовалось по назначению; в начале II в. до н.э. в связи с сооружением Стои Атталла оно было разобрано.

Третья часть рецензируемой книги (с. 115–241) содержит корпус античных свидетельств об афинской судебной системе. Эти свидетельства весьма многочисленны и разнородны; среди них – и обширные пассажи Аристофана, Аристотеля, Павсания, Полидевка, и разрозненные, но крайне ценные упоминания у судебных ораторов, и большое количество глосс и комментариев позднеантичных и византийских эрудитов, лексикографов, схолиастов. Свидетельства, приводимые в греческом оригинале и английском переводе, в случае необходимости сопровождаемые комментарием, сгруппированы по тематическому принципу. В числе выделенных тем – суды по делам об убийствах; гелиэя и другие суды присяжных; отраженные в источниках архитектурные сооружения, связанные с судопроизводством, наконец, судебные принадлежности (псефы, клепсидры, пинакии и т.п.).

Теперь возникают возможность и необходимость обратиться к содержанию первой, теоретической части книги. Безусловно, автор данной части А. Беджхолд не задавался целью дать полный очерк развития и функционирования афинской судебной системы (например, ничего не говорится о типах судебных процессов⁵). Его задача была более конкретной – дать историко-культурный контекст для публикуемых в томе памятников, предпринять первую попытку их системно-структурной интерпретации и реконструкции в связи с этим афинской судебной практики. Попытку эту можно считать успешной. Привлечение к исследованию наряду с литературными свидетельствами комплекса вещественных памятников позволяет прояснить детали многих процедур. Приведем характерный пример. Во всех старых переводах и комментированных изданиях «Афинской политики»⁶ совершенно неверно интерпретировался процесс жеребьевки судей. Это связано с тем, что под упоминаемыми Аристотелем κληρωτήρια понимались то помещения для баллотировки, то урны или сосуды. После публикации фрагментов κληρωτήριων стало ясно, что они представляли собой мраморные стелы с рядами углублений (καυοίβες), в которые вставлялись (а не прибавались!) таблички-пинаки.

А. Беджхолд прежде всего рассматривает вопросы топонимического и топографического характера (с. 3–16). Номенклатура афинских судов присяжных – проблема сложная и запутанная. Источники дают 25 наименований дикастериев (не считая судов по убийству), однако в действительности их было значительно меньше. Налицо факт полионимии – употребления для одного суда двух или более названий. Так, словами «Парабист» и «Тригон» (Paus. I. 28,8) обозначалось, судя по всему, одно и то же здание суда, находившееся, кстати, на агоре, вопреки тому, что сообщает о нем Павсаний⁷ (автор придерживается точки зрения, согласно которой Павсаний в описании афинских судов, кроме ареопага, опирается не на аутопсию, а на какую-то более раннюю переиздачу, к тому же неверно понятую им).

Встречается и противоположное явление. Скажем, слово «гелиэя» могло обозначать судебную коллегию, место ее заседаний, конкретную постройку (с середины IV в.), судебную систему в целом. То же или почти то же можно сказать о слове «дикастерий». Наконец, не исключено, что отдельные названия, например суд «у Лика», могли появиться у позднеантичных авторов в силу недоразумения, непонимания текста своего источника. Фактически в Афинах конца V в. было не более пяти зданий, использовавшихся как суды, а в середине IV в. еще меньше. Около 340 г. создается единый комплекс построек, к которому относятся упоминаемые в надписях этого времени «первый и средний из новых» судов.

Вызывает возражения положение А. Беджхолда об общем снижении судебной активности в Афинах в IV в. по сравнению со второй половиной V в. Он опирается на тезис, согласно которому в это время в афинском полисе «было меньше граждан» (с. 9). Однако как раз этот тезис ныне оспаривается⁸: никакого сокращения населения в IV в. не произошло. К тому же М. Хансену, кажется, все же достаточно аргументированно удалось показать, что в IV в. роль судебных учреждений в афинской политической системе, напротив, возрастает.

Занимаясь проблемой отождествления известных археологически построек на агоре с отраженными в письменных источниках дикастериями, А. Беджхолд предлагает следующую схему (с. 14–16). В V в. до н.э. крупнейшим судебным сооружением в Афинах был прямоугольный перибол на южной стороне агоры, который, очевидно, следует отождествить с Метихием античных источников (Poll. VIII. 121; Anecd. Bekkeri I. 309; Phot. Lex. s.v. Μητιοχέϊον)⁹. С конца V в. главным судебным помещением стало построенное в этот период «здание А», которое позже, в IV в., и называлось преимущественно «Гелизей». Возведенное тогда же «здание В» исследователь идентифицирует как Парабист, или, что то же, Тригон. В третьей четверти IV в. компактный комплекс судебных помещений был завершен сооружением

⁵ Из новых работ о типах процессов: Carawan E.M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1987. V. 28. № 2. P. 167–208; Lavelle B.M. Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // Classica et mediaevalia. 1988. 39. P. 19–41.

⁶ Например: Aristotle's Constitution of Athens / Ed. J.E. Sandys. 2nd ed. L., 1912. P. 249–256; Аристотель. Афинская политика // Античная демократия в свидетельствах современников / Пер. С.И. Радцига. М., 1996. С. 79–81.

⁷ В русском переводе соответствующего места (Павсаний. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. Репр. изд. Т. I. М., 1994. С. 77) – анаколуп, не дающий удовлетворительного смысла.

⁸ Lohmann H. Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v. Chr. // Die athenische Demokratie... S. 515–548.

⁹ В аттической просопографии известны два Метиха. Один из них – сын Мильтиада, после 493 г. живший в Персии; другой – сподвижник Перикла, осуждавшийся авторами древней комедии за полупраудосίτη (Plut. Mor. 811f.). Возможно, этот последний Метихий занимался перестройкой перибола после Персидских войн, благодаря чему здание получило его имя.

«зданий С и D» (отождествляемых соответственно со «средним» и «первым» из «новых судов»). После прекращения существования комплекса в конце IV в. до н.э. на его месте возводится упомянутый выше квадратный перистиль, официальное название которого не получило отражения в источниках (если только он не назывался Гелизеей)¹⁰.

Остановившись вкратце на эволюции судов присяжных до 462 г. до реформы Эфиальта¹¹ (с. 17–20), А. Беджхолд переходит к самой, на наш взгляд, интересной главе первой части – «Три присутственных дня» (с. 21–42), где предпринимается попытка реконструкции афинской судебной процедуры на трех хронологических отрезках классической эпохи: 460–410, 410–340 и 340–322 гг. до н.э.¹²

Наряду с основополагающими процедурными элементами, остававшимися неизменными (тайное голосование, жеребьевка судей и т.п.), ясно выявляется ряд изменений, носивших в основном характер технических усовершенствований. Так, около 440 г. был создан единый комплекс судебных помещений, огораживавшийся на время процессов барьерами (*δρῦφακτοί*). Отныне дикасты были освобождены от необходимости переходить после жеребьевки в другие места, порой довольно отдаленные от агоры (например, Одеон) и подвергаться по пути давлению со стороны тяжущихся, угрозам, взяткам и т.п.

Постоянно совершенствовалась система жеребьевки. До 410 г. каждый дикаст приписывался по жребью сроком на год к одной судебной коллегии под председательством определенного магистрата. Затем жеребьевка стала осуществляться каждый день непосредственно перед началом заседаний, что препятствовало образованию среди судей сплоченных общими интересами групп; по жребью стали распределяться и места в судебном помещении. Впоследствии система жеребьевки продолжала усложняться и ко времени Аристотеля приобрела чрезвычайно изощренную и воистину беспрецедентную форму.

Происходили изменения в способах голосования. В V в. дикаст получал один камешек и бросал его по выбору в одну из двух урн. Тайна голосования обеспечивалась специальным плетеным сосудом без дна (*κτῆμός*), прикрывавшим горлышки обеих урн. В случае необходимости голосования по мере наказания применялись «оценочные таблички» (*πινάκια τιμῆτικά*), на вошеной поверхности которых дикасты проводили черточки различной длины. В IV в. голосования оценочными табличками было отменено. При основном голосовании вместо одного камешка стали использоваться два бронзовых песфа (соответственно с просверленной и цельной трубочками). Наконец, к тому же столетию относится возрастание значения письменной документации при судебных слушаниях¹³. Необходимые документы хранились в запечатанных эхинах.

Специальную главу (с. 43–50) А. Беджхолд посвятил афинским судам по убийствам. Следует сказать, что этот материал не выглядит органичным в работе об агоре. Пять дикастериев, разбиравших *φωικά* *δικαί*, собирались в разных местах Аттики и практически никак не были связаны с агорой. Исключение составляет ареопаг, в отдельных случаях (но, кстати, как раз не в судебной своей ипостаси) заседавший в Царской Стое. Об ареопаге существует огромная

¹⁰ Существует также точка зрения, относящая начало строительства перистиля ко времени Ликурга (*Knell H. Überlegungen zur öffentlicher Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // Die athenische Demokratie... S. 478*). Возможно, в это время он был спроектирован. Осмелимся высказать гипотезу относительно того, почему это сооружение так и не было завершено. Все архитектурные параметры перистиля основаны на числе 10 и кратных ему. Именно это число – число аттических фил – было ключевым в афинской судебной системе (10 судебных секций, 20 клеротериев, судебные коллегии по 500, 1000, 1500 человек и т.д.). Однако в самом конце IV в. количество фил возросло до 12, что должно было внести некоторую сумятицу в стройный порядок судопроизводства, нарушить все численные соотношения и элиминировать принципы, лежавшие в основе архитектурного облика перистиля.

¹¹ Из последней литературы об этой реформе см. *Meier Chr. Der Umbruch zur Demokratie in Athen (462/61 v. Chr.) Epochenschwelle und Epochenbewusstsein. München, 1987. S. 353–380*; *Jones L.A. The Role of Ephialtes in the Rise of the Athenian Democracy // Classical Antiquity. 1987. V. 6. № 1. P. 53–76*; *Спрожецкий В.М. Деятельность Эфиальта и радикальные тенденции афинской демократии середины V в. до н.э. // Античность и современность. Докл. конф. М., 1991. С. 41–44.*

¹² Метод исторической реконструкции становится в последние годы все более популярным в западном антиковедении. Ср., например: *Osborne R. Democracy and Imperialism in the Panathenaic Procession // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 143–150.*

¹³ Возрастание письменного элемента по отношению к устному отмечается и в других сферах афинской общественной жизни IV в.: *Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert // Die athenische Demokratie... S. 190 f.*; *Wallace R.W. Speech, Song, and Text, Public and Private // Ibid. S. 205 f.*

литература¹⁴, неудивительно поэтому, что в данной главе автор сказал мало нового. Впрочем, представляет интерес его гипотеза относительно судилища «у Фреатто» (с. 49, 50), разбиравшего крайне редкие случаи повторного убийства, совершенного человеком, уже находящимся в изгнании за непредумышленное убийство. Источники не сообщают ни об одном процессе, проходившем в исторические или мифологические времена в этом суде. А. Беджхолд не без основания предполагает, что таких процессов не было, а возможно, имел место единственный казус такого рода, происшедший в додраконтовское время и положивший начало суду. Интересны также некоторые замечания автора о топографии судов по убийствам, его высокая оценка суда в Пританее, обычно считающегося рудиментарным, пережиточным органом, и др.

Приходится, к сожалению, указать на несколько досадных небрежностей, допущенных в книге. В глоссарии (с. XXII–XXVIII) Драконт назван эпонимным архонтом 621/20 г. до н.э., тогда как известно, что эпонимом этого года был Аристеhm (Arist. Ath. pol. 4.1), а Драконт опубликовал свои законы в качестве фесмофета (Paus. IX. 36.8). В том же глоссарии Тимолеонт почему-то назван «царем» Сиракуз. Вызывает недоумение характеристика одного из клеротериев (№ 10 по каталогу С. Дау). В тексте (с. 230) указано, что он имеет десять рядов углублений, в то время как на фотографии (pl. 6) ясно видно, что этих рядов одиннадцать.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что с выходом рецензируемого тома в изучение афинской судебной системы и процессуальной практики внесен новый и весьма важный вклад. Теперь, думается, вещественные памятники должны занять подобающее им место в комплексе источников по судопроизводству демократических Афин; их необходимо будет принимать во внимание при рассмотрении любого сюжета, связанного с этой темой.

И.Е. Суриков

© 1999 г.

K. HELDMANN. Sallust über die römische Weltherrschaft: Ein Geschichtsmodell im Catilina und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart: BG. Teubner, 1993. VIII. 134 S.

Саллюстий – один из наиболее изучаемых римских авторов, причем с самых различных точек зрения. Исследуются достоверность его сочинений, их композиция, понимание Саллюстием истории, его политические взгляды и т.д. Однако отношение писателя к проблеме господства одного народа или государства над другими еще не было предметом столь тщательного анализа, как названные вопросы. Уже одно это привлекает внимание к вышедшей в 1993 г. книге немецкого ученого Конрада Хельдмана «Саллюстий о римском мировом господстве: Историческая модель в "Заговоре Катилины" и ее истоки в эллинистической историографии».

Монография начинается с предварительных замечаний о трудностях изучения взглядов Саллюстия, обусловленных, как указывает Хельдман, прежде всего особенностями стиля римского историка. Многие фразы в его трудах в силу своей афористичности нередко воспринимаются как самостоятельные сентенции, а их доказательная функция в рамках соответствующего контекста не учитывается. Кроме того, предельная краткость Саллюстиева слога нередко затемняет связь сентенций с контекстом. Эта brevitas имеет не только стилистическую, но и содержательную сторону, поскольку оставляет «простор для того, что lector eruditus может и должен привносить сам» (с. 9). Таким образом, сочинения Саллюстия рассчитаны на образованную аудиторию, которой достаточно лишь намекнуть на известные

¹⁴ См. из последних работ: Wallace R.W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore – London, 1989; Ostwald M. The Areopagos in the Ἄθῆναιων πολιτεία // Aristote et Athènes, P., 1993. P. 141–153; Saïd S. Le mythe de l'Aréopage avant la Constitution d'Athènes // Ibid. P. 155–184; Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40. Литература о других судах по убийству значительно более скудна. См. Sealey R. The Athenian Courts for Homicide // Classical Philology. 1983. V. 78. № 4. P. 275–296; Stroud R. Aristotle and Homicide in Athens // Aristote et Athènes... P. 203–221.